

Продолжение.
Начало в "РМ" №4213.

Русская мысль: Париж — 1998. — 26 марта — апр. — с. 12

Ежи Помяновский

История, спущенная с цепи

Предисловие к польскому изданию
«Дневника 1920 года» Исаака Бабеля

только то, что служило победе революции. Чего ж еще? Он воплотил в жизнь доктрину Сореля, того самого, что написал апологию насилия как "акушерки истории". Конечно, Ленин о Сореле говорил сквозь зубы. Муссолини эту доктрину открыто написал на своих знаменах.

В конечном счете, именно это отступничество ставила Ленину в вину в 1918 г. Роза Люксембург, и об этом предательстве думал Горький, когда писал свои "Несвоевременные мысли". Но результаты их сам испытал лишь тогда, когда времени уже не оставалось.

Бабель увидел их раньше и уже не переставал за ними следить.

* * *

Результаты результатами. Однако само дело и его посылки, пожалуй, не возбуждали у Бабеля сомнений, когда, вернувшись с фронта, он начал работать переводчиком в петроградском учреждении, известном под названием Чрезвычайной комиссии Северных коммун, то есть ЧК. Он быстро разобрался, чем это пахнет. Начальник ЧК Урицкий был застрелен эсером, что дало повод к волне красного террора.

Бабель — обратим внимание! — немедленно перешел в Наркомпрос. Потом он поехал с продовольственной экспедицией на Волгу, чтобы в зажиточных немецких селах выменивать гвозди и шелк на зерно для голодающих советских городов. Наконец он вернулся в родную Одессу и женился на рыжеволосой красавице-киевлянке, дочери оптовика, к которому когда-то его посылал отец за сельскохозяйственным инвентарем. В Одессе он начал работать в издательстве.

Может, он там бы и остался, если бы не приехал в отпуск с польского фронта его друг, журналист Михаил Кольцов. От него-то Бабель услышал, что судьба страны, а может быть, и всего мира решается не в тылу, среди дезертиров, чекистов и наймитов новой власти. Что не здесь находятся бойцы передового отряда революции, которые не щадят крови — разумеется, не только своей, но при этом веря, что проливают ее за правое

дело. И, что важнее всего, только в годичные испытания человек сможет сказать, стоит ли погибать за это дело. Этому необходимо дать свидетельство.

Наконец, известно, что любопытство — главная черта Бабеля. Таким его знала вся Одесса: он хочет все знать, все видеть, готов угостить незнакомую женщину роскошным обедом в обмен на право заглянуть в ее сумочку. А более интересных вещей, чем то, что происходит в этот момент на фронте, нет на целом свете.

Бабель не раздумывал долго. Поехал корреспондентом ЮгРосты в Первую Конную Буденного. И увидел историю, спущенную с цепи.

Так назвал Ежи Стемповский главное русло событий XX века. История редко когда смирно сидела на цепи, но в этом столетии ее видели в деле все, ибо никогда раньше ее не записывали фотоаппараты и кинокамеры, не разглашали рупоры и экраны, не говоря уже о перьях. И никогда раньше такое количество гражданских лиц из городов и деревень не становилось целью — умышленно выбранной — смертельных действий средств массового поражения. До сих пор все это происходило как бы мимоходом: гуннам выжженная земля не пригодились бы даже как пастбище. Войны вели солдаты. На западе Европы такие города, как очаровательный Бамберг, веками стояли как столы: иногда им достаточно было быть крепостью, иногда — заплатить выкуп. XX век был столетием ковровых бомбардировок, атомной бомбы, лагерей уничтожения, этнических чисток, плановой ликвидации целых классов и наций.

Исаак Бабель раньше, чем кто-либо другой, описал проявления, рост и направление того кровавого нароста, который у него на глазах перестал быть локальным заболеванием. Он был свидетелем первой среди мировых войн и первого наступления мировой революции.

* * *

То, что он увидел, он по горячим следам записал в блокноте. Блокнот сохранила в Киеве М.Овруцкая, а Татьяна

Стах, приятельница писателя, передала рукопись Антонине Пирожковой в то время, когда та не была уверена, кто она — уже вдова или еще вторая жена арестованного. Блокнот оказался единственной сохранившейся рукописью этого автора: все другие заметки, черновики, начатые произведения были взяты под арест вместе с ним 16 мая 1939 года. После 266 дней чудовищного следствия Бабеля отдали под суд, несмотря на то, что — а может быть, именно потому что — он отказался от всех выбитых из него показаний против других писателей и друзей по Первой Конной. Можно удивиться тому, что в следственном деле и присоединенных к нему доносах почти ничего не говорится ни о претензиях Буденного, ни об обвинениях в клевете на Конармию. В приговоре Бабель признан виновным "всего лишь" в том, что был активным членом контрреволюционной троцкистской организации, вел шпионскую деятельность в пользу французской и австрийской разведки и готовил террористические акты против партийно-правительственного руководства.

26 января 1940 г. в кабинете Берии в Бутырской тюрьме "тройка", т.н. ОСО (председатель — Ульрих, члены суда — Дмитриев и Кандыбин), после процесса, проходившего без защитника и продолжавшегося 20 минут, приговорила Исаака Эммануиловича Бабеля, беспартийного, родившегося в Одессе, еврея, литератора, к смертной казни. Его расстреляли на рассвете следующего дня; жену долгие годы терзали неизвестностью о судьбе писателя.

Я считаю, что, будь известно содержание его военного дневника, приговор был бы вынесен раньше.

* * *

Доминанта этих записей — ужас и разочарование. Ужас перед лицом жестокостей войны и ширящегося нравственного растления. Разочарование — в освободительных целях войны. Можно утверждать, что участие в польской кампании произвело на взгляды и предвидения Бабеля такое же влияние, какое

оказало на Джорджа Орвелла, Артура Кестлера или Николу Кыярамonti участие в испанской войне. Они пошли защищать революционную демократию — и увидели, как велит им понимать ее Москва. Они вернулись совершенно переменившимися и в своих замечательных книгах выразили те выводы, которые подсказывает тайный дневник Бабеля, писавшийся двадцатью годами раньше.

* * *

В пакете, который хранился в Киеве, были два обычных черновика, исписанных чернильным карандашом. В одном были планы и наброски "Конармии", в другом — дневник. В нем не хватает первых 54 страниц, нет также листов, относящихся к событиям между 6 июня и 11 июля 1920 года. Того, что осталось, от первой сохранившейся записи от 3 июня и до последней — от 15 сентября того же года, вполне достаточно, чтобы составить мнение и о личности автора, и о характере войны — а речь идет о самом горячем ее периоде и решающих моментах.

Отнюдь неудивительны трудности, на которые наталкивалась Антонина Николаевна при неустанных попытках напечатать этот текст. Эренбургу едва удалось намекнуть на существование сенсационного блокнота на вечере, посвященном 70-летию Бабеля, в ЦДЛ. Ученые-филологи в 1965 г. поместили какие-то обрывки дневника в "Литературном наследстве". Даже во времена "гласности" и "перестройки", в 1989 г., журнал "Дружба народов" осмелился напечатать лишь центральную часть дневника, и то с многочисленными купюрами и отточиями. Первое польское издание дневника в переводе пишущего эти строки (Варшава, "Читальник", 1990) уже шире, но все еще не полно. Только в московском двухтомнике Бабеля, вышедшем в 1991 г., текст как будто полон, без отточий. Однако помещен он как приложение.

Читатель дневника найдет повод ко многим размышлениям. Мы здесь обратим внимание только на те вопросы, которые до сих пор рассматривались фрагментарно, и на те, которые делают эти записи исключительно важным документом.

Краков

Перевод с польского
(с незначительными сокращениями)
Н.Горбаневской.

Продолжение следует.

Большевики предложили самое прекрасное в истории оправдание самым позорным человеческим импульсам. Оправдание было возвышенным и, главное, каждому доступным. Вот благодаря равенству всех рас и народов, благодаря избавлению от всяческого гнета и эксплуатации дается оправдание зависти, жадности, жестокости, в каждом из нас жующих удобного случая. Именно оно, оправдание любой несправедливости, учиненной во имя нового порядка, стало важным секретом успехов революции. И не о благе того или иного народа шла речь, но о повороте в истории всего человечества, повороте, наконец-то согласующемся со всеми чаяниями всех угнетенных.

Слабой стороной этого обвинения представляется хорошо известная истина: вся история битв и войн, которые велись ордами, армиями, государствами, коалициями и союзами, доказывает, что сражающиеся стороны всегда прибегали к этому оружию, к этому расчету, к этой ставке на бестию в человеке. Не нужно быть манихейцем, чтобы констатировать постоянное присутствие этой бестию, — достаточно заглянуть в шпалгалку по истории. Или в любую газету.

Верно. Да только никогда еще в истории планы этих кровавых действий не вступали в такое противоречие с принципами, мировоззрением и декларируемой целью стратегов этих битв. Ведь на этот раз речь шла о том, чтобы создать такие условия материальной жизни, которые не давали бы ни одного нового шанса дремлющей в нас бестии. На этот раз ставкой было освобождение человека от пресловутых волчьих законов капитализма или вообще от дарвиновской борьбы за существование. Ради этой святой цели урдалака выпустили из клетки и сделали это совершенно сознательно.

"Дневник 1920 года" Исаака Бабеля — неопровержимое доказательство этого предательства. Он хотел дойти до самых корней и оставить свидетельство. Хотя бы себе на память. 21 августа Бабель записывает в дневнике:

"...наша армия идет зарабатывать, не революция, а восстание дикой вольницы. Это просто средство, которым не брезгует партия".

* * *

Как известно, в коммунистических странах все верования и предрассудки, диктуемые единственно верным учением, были защищены законом, составляли его ядро и основу репрессий. Из конца в конец большой зоны ни один еретик не выжил без телесной или душевной травмы. Ревизионисты, улучшатели, пожарная охрана системы, — были признаны поджигателями.

Наконец (и это отнюдь не побочный результат) первопроходцы советского террора, ударники революции, приносимой на штыках, почти все пали жертвой собственной системы. Чистки поглотили почти девять десятых ранних большевистских кадров. Зеленый свет, который они когда-то зажгли бестии, завистливой, подозрительной, не переносящей возражений и собственного мнения, теперь, в свою очередь, отнял у них не только физическую возможность защиты, но и всякие моральные аргументы. Из их посылок извлекали выводы их палачи. И в этом тоже можно искать причины того чудовищного молчания и чудовищных признаний обвиняемых на московских процессах.

Не будем верить тем, кто скажет, что такое поведение издавна было заложено в русских национальных генах и что этот зеленый свет отвеку горел в туннеле российской истории. Народовольцы отнимали жизнь у сатрапов, как правило, отдавая в обмен свою. У сатрапов, подчеркивает Камю; они не признавали коллективной ответственности, не резали по жилам прохожих, — укорим их в произволе и фанатизме, но не в подлости. Сазонов после покушения на Плеве ждал полицию возле разбитой кареты; так же поступил и убийца вел. кн. Сергея Каляев. Да и сама февральская революция вместе со свержением с престола царя прошла в основном без кровопролития, в атмосфере праздника. Как показали дальнейшие события, несколько легкомысленного.

Большевики откровенно вывернули правила игры наизнанку. Ленин черным по белому признал нравственным то и